

УДК 82.0:81'42
ББК Ш300.1+Ч108.44

М. В. Загидуллина
Челябинск, Россия

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ТОПОГРАФИИ ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЫ»
(ред.-сост. А. Розенхольм, И. Савкина. — М.: Новое литературное обозрение, 2015)**

M. V. Zagidullina
Chelyabinsk, Russia

**REVIEW OF THE BOOK: *TOPOGRAPHY OF POPULAR CULTURE*
(ed. A. Rosenholm, I. Savkina – Moscow: New Literary Observer, 2015)**

Сборник статей «**Топографии популярной культуры**» (М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 408 с., ил.) посвящен феномену спатиальности как части современного исследовательского дискурса, оформляющего представление о месте, роли, значении и эпистемологическом потенциале представлений о пространстве и пространственных характеристиках в междисциплинарном изучении массовой культуры.

Четыре раздела книги, включающие статьи российских, американских, европейских ученых — представителей разных научных школ и тематических полей — позволяет говорить о самой книге как специфической карте, размеченной по четырем «сторонам света»: символические Запад (раздел «Текст в большом городе»), Восток («Реальные и воображаемые места»), Юг («Карты ценностей») и Север («Публичное пространство в движении»). Но каждый раздел, состоящий из трех-пяти статей-исследований, провокационно открыт — и где, собственно, границы между символическими частями света, есть ли они? Попытка редакторов упорядочить разноликий материал сборника представляется чрезвычайно успешной: собранные вместе, статьи каждого раздела создают эффект «квантования» определенного аспекта размышлений над пространственной организацией культуры. Такое «количественное скопление», как и следует понимать «квантование», акцентирует определенные рэперные точки, превращая исследовательский ландшафт в навигационную систему. Этим определяется значимость проделанного редакторами и вдохновителями книги труда: «Топографии популярной культуры» открывают значимые перспективы перед литературоведами и представителями иных гуманитарных наук при исследованиях пространства как многоуровневого феномена.

Говоря о символике «сторон света», стоит подчеркнуть, что сложившиеся стереотипы геополитической смысловой нагрузки «запада — востока», «севера — юга» (где во многом «запад» и «север» совпадают как векторы «завтрашнего и прогрессивного», а «восток» и «юг» — «вчерашнего и традиционного») не так уж отстранены от концептуальной организации сборника статей.

«Текст в большом городе» объединяет материалы о Лондоне (Б. Нойман, Я. Рупп), Монреале (Н. Няголова), Москве (Е. Воробьева), Санкт-Петербурге (М. Черняк) как генераторов своего куль-

турного геотекста, воплощающегося в художественной массовой литературе и массовом кино, где пространственные ориентиры становятся, скорее, дезориентирами, обрекающими жителя города на вечное скитание и безнадежность лабиринта. Урбанизированное и технократичное пространство жизни оказывается не то источником, не то отражением пространства ощущений горожанина (будь то Лондон времен Шерлока Холмса или современная Москва). Для авторов важно подчеркнуть, что популярная культура гибко и органично фиксирует «коллективное бессознательное» больших масс людей, составляющих «душу города». Здесь «воображаемое» пространство города оказывается более значимым, чем пространство реальное, а массовая культура как раз и становится своеобразным «мониторингом», позволяющим выявить эту экспансию имагинального в физический мир, исследовать медиатизацию как захват все больших реальных пространств.

Второй раздел сборника мы условно отнесли бы к «востоку» («Реальные и воображаемые места»), поскольку в центре внимания авторов большей частью «чудеса» и «игра воображения» либо сложные процессы формирования коллективной памяти о прошлом и реконцептуализации уже сформированных в этой памяти констант. Популярная культура может рассматриваться в этой связи как гигантский восточный «базар», где можно продать и купить самые фантастические предметы. Сама концепция культурного потребления (консьюмеризм духовного производства) оказывается органична как в рамках больших социальных проектов (о которых пишет, например, М. Абашева в своей статье об Урале как «герое» массовой культуры и медиа), так и в статье Р. Талли-мл. о переводе книг Толкина на язык массового кино и о возможных выявлениях идеологического бэкграунда «Властелина колец». Спатиальные метафоры «советских» констант в этой части сборника (статья И. Савкиной о метро, Н. Барковской о дворах, С. Маслинской о пионерлагере) открывают читателю путь к рефлексии вокруг «перезагрузки» прошлого в современной культурной ситуации, где все «советское» получает новые означающие, не просто хранящие эту «советскость», но возводящие ее в ранг «завета», или, как отмечают редакторы в предисловии, «форумы для обсуждения советского в прошлом, настоящем и будущем России» (с. 18).

Условно-«южная» часть книги («Карты ценностей») продолжает и уточняет темы традиционных пространственных кодов в ценностной перспективе. Если в популярном и массовом видеть позицию большинства, то вторжение массовой культуры в прежние культурные иерархии может восприниматься как появление новой системы ценностей, элиминирующей позиции культурных элит недавнего прошлого. Такая точка зрения открывает возможность перекодировки символических пространств культуры как фольклор-полей: массовое становится фольклором, а фольклор — *vox populi*. О таких переключениях смыслов пишет Т. Круглова в своей статье о «правом» и «левом» в концепциях культуры советского времени, при этом пространственные координаты «правого» и «левого» оказываются универсальным способом возведения границ и размежевания не только культурных практик, но и способов мышления. Здесь архетипическое, «темное» (зачастую невербализированное и неартикулированное) представление о вертикали ценностей оказывается брошенным в горизонталь, что и создает напряжение в системе культуры, драматизирует ее бытие. Г. Макаревич и В. Безрогов в статье о современных учебниках для начальной школы выявляют оппозицию «село — город», также переключающую пространственные горизонтальные координаты в ценностные вертикальные. Своеобразный «выученный культурный билингвизм» школьника проявляется в наложении двух ценностных шкал: дискурсивной (идеализации деревенского топоса и элиминировании городского пространства в учебниках, по которым школьники страны учатся чтению) и ситуативной (в реальности абсолютное большинство учеников — горожане, более того, миграция из деревень в города и из малых городов в большие остается актуальным социальным трендом). Рассуждая о кулинарных книгах, М. Литовская тоже подчеркивает, что географические координаты пространств этих массовых изданий двунаправлены: это и своеобразная карта со своими столицами, провинциями и «пустынями» (белыми пятнами), и одновременно разметка вертикалей по шкале «элита — плебеи».

Данные об авторе

Марина Викторовна Загидуллина — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Челябинский государственный университет (Челябинск).

Адрес: 454084 Челябинск, пр. Победы, 162.

E-mail: mzagidullina@gmail.com.

About the author

Marina Viktorovna Zagidullina is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism and Mass Communication, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk).

Наконец, «северный» блок статей («Публичное пространство в движении») объединяет исследования в рамках концепта публичных пространств и их современных реконфигураций: динамика становится центральным объектом осмысления, а выбор самих явлений, событий и феноменов во всех пяти статьях раздела подчинен задачам описания авангарда пространственных сдвигов в культуре. Процессы включения в публичную сферу новых полей рассматриваются в разных гуманитарных науках достаточно давно, но наложение публичных пространств — явление, не получившее пока глубокого осмысления в исследовательских трудах. Если воспользоваться топографическими метафорами, то перед нами «мерцающие топосы публичных пространств»: скажем, торговый центр как площадка культурного события (статья С. Лопатиной и Г. Тульчинского), или улица как подиум (статья А. Яцык), или музей как рынок (статья В. Абашева), или площадь как инсталляция (статья Л. Немченко), или церковь как «гайд-парк» (статья А. Розенхольм и М. Сорвари). Мерцающий функционал публичных пространств пока еще просматривается как перспектива, проявляется в симптомах и знаках — но для авторов статей несомненно, что это путь завтрашнего дня культуры.

В целом сборник статей «Топографии популярной культуры» не рассматривает понятие «популярное» в оппозиции к понятию «элитарное», а в большей мере фиксирует важнейшее явление современного состояния культурных практик — их медийную публичность, переход из события для немногих в событие (потенциально открытое) для всех. Популярное ломает границы, предустановленные ему оппозицией с элитарным, поскольку элитарное стремится стать популярным, а все популярное претендует на элитарность и значимость. Что сейчас массовое, а что нет — определяется экспертным мнением, которое все чаще оказывается амбивалентным. Медиа-тизация потребления, досуга, науки, культуры оказывает на все поля социальных практик колоссальное давление, ведущее к масштабной реконфигурации самого культурного ландшафта.